

ПОЛИТОТДЕЛЫ МТС СЕВЕРО-КАВКАЗСКОГО КРАЯ И СТАНОВЛЕНИЕ СИСТЕМЫ ЗАГОТОВОК В СЕЛЬСКОМ ХОЗЯЙСТВЕ

Анализируется становление системы заготовок в сельском хозяйстве Северо-Кавказского края в начале 1930-х гг. и роль политотделов МТС в этом процессе.

Ключевые слова: хлебозаготовки, сельское хозяйство, политотделы, машинно-тракторные станции, колхоз, Северо-Кавказский край.

Рассматривая различные аспекты деятельности политотделов МТС, исследователи советского периода акцентировали внимание на организационно-хозяйственном укреплении колхозов. В литературе отмечалось, что эта задача решалась путем налаживания социалистической дисциплины труда, организации распределения, управления, использования рабочей силы и т.п. В историографии традиционно изучался вопрос о роли политотделов в проведении хлебозаготовок на Северном Кавказе. При этом политика хлебозаготовок советскими историками рассматривалась как реализация важнейшей общегосударственной задачи в условиях активного кулацкого саботажа.

В современной литературе акцент делается на репрессивной составляющей деятельности политотделов. Анализируя политику хлебозаготовок, современные исследователи отмечают ее антикрестьянскую направленность и видят в ней важнейшую причину голода начала 1930-х гг. Разделяя в целом последний тезис, мы считаем необходимым обратить внимание на следующее.

Проведение хлебозаготовок в отдельные годы – это конкретная политика, а курс на создание новой системы экономических отношений между колхозами и государством – это стратегическая задача, решение которой призвано было определить характер заготовительной, налоговой системы на годы вперед. Как свидетельствуют материалы о деятельности политотделов, хранящиеся в архивах Дона и Северного Кавказа, роль политотделов в становлении этой административной системы трудно переоценить.

В 1932–1933 гг. был осуществлен переход от контрактации основных продуктов полеводства и животноводства к обязательным поставкам, имеющим силу налогов. Постановлением СНК СССР и ЦК

¹ Наухатский Виталий Васильевич, доктор исторических наук, Ростовский государственный экономический университет (РИНХ), naukhatskiy@rambler.ru, Россия, Ростов-на-Дону.

ВКП(б) от 19 января 1933 г. об обязательной поставке зерна государству колхозами и единоличными хозяйствами была, как известно, отменена существовавшая прежде договорная (контракционная) система заготовок зерновых культур и установлены для колхозов и единоличных хозяйств имеющие силу налога твердые обязательства по сдаче зерна государству по установленным государственным ценам. Еще ранее, в сентябре и декабре 1932 г., был установлен такой же порядок обязательной сдачи мяса и молока. В дальнейшем в 1933 г. обязательные поставки государству были распространены и на другие культуры (картофель, подсолнух, рис), а также шерсть. В постановлении СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 19 января 1933 г. подчеркивалось, что выполнение обязательных поставок зерна государству является первоочередной обязанностью каждого колхоза и единоличного хозяйства и должно быть произведено из первых обмолотов [2, с. 107–108, 119].

В постановлении СНК СССР и ЦК ВКП (б) от 20 июня 1933 г. «Об обязательных поставках зерна государству колхозами и единоличными хозяйствами из урожая 1933 г. на основе закона от 19 января 1933» внимание партийных и советских организаций обращалось на то, что «в отличие от прежних лет мы имеем <...> не хлебозаготовки старого типа, проводившиеся на основе не вполне определенных контрактационных договоров с крестьянством, а зернопоставки, основанные на твердом и непререкаемом законе, обязательном к выполнению всеми колхозами и единоличниками. Это значит, что никакое уклонение от обязательств по сдаче зерна в срок не должно быть допущено ни под каким видом»².

Таким образом, если контрактация по форме и первоначальному смыслу была системой договорной, то обязательные поставки государству таковыми не являлись. И буква, и дух указанных постановлений не оставляли ни малейших сомнений в том, что власть будет проводить их нормы в жизнь путем прямого административного нажима, принуждения. Причем выполнить такие нормы в голодающей деревне могли лишь органы власти, наделенные особыми полномочиями, представлявшие собой своеобразный симбиоз партийно-политических и государственно-репрессивных органов.

Весьма показателен с точки зрения исследуемой проблемы тот факт, что политотделы создавались, прежде всего, в зерновых районах страны. План организации политотделов МТС, разработанный ЦК ВКП(б), предусматривал развертывание основной массы политотделов уже к лету 1933 г. В первую очередь (до 1 апреля) их решено было создавать на Украине, Северном Кавказе и Нижней Волге, т.е. в районах, где в связи с хлебозаготовками и голодом к началу 1933 г. сложилось наиболее тяжелое, критическое положение. Во вторую очередь (до 1 июля)

² СУ РСФСР. 1933. № 38. Ст. 228.

комплектовались политотделы на Средней Волге, в Сибири, Казахстане и Закавказье, в остальных районах — до 1 августа 1933 г. Этот план в целом был реализован. К концу 1933 г. политотделы действовали в 2655 (92,9 %) МТС страны [1, с. 139–140]. К 25 февраля 1933 г. политотделы имелись в 130 МТС Северного Кавказа. Из них полностью было укомплектовано 82 политотдела, частично укомплектовано по 3 человека — 24, по 2 человека — 19 и по 1 человеку — 5 политотделов МТС. Весной 1933 г. на Северном Кавказе работало уже 255 политотделов МТС [3, с. 529].

Политотделы МТС были вызваны к жизни экстремальными условиями функционирования только что созданных колхозов. Вот одна из типичных характеристик тогдашней обстановки в деревне — в изложении работников политотдела Персиановской МТС Новочеркасского района Северокавказского края в политдонесении от 8 декабря 1933 г.

«Колхозы Красюковского совета: «12 лет Октября», «16-й партсъезд» переживали очень тяжелое состояние. Колхоз «12 лет Октября» шел к полнейшему организационному развалу и только потому, что оппортунистическое руководство колхоза проводило вредительскую политику, — растянули весь хлеб и фураж, тягло выведено было из строя и неспособно работать. Очень много падало, каждый день прирезали быков. Люди голодные, пухлые и даже был ряд смертельных случаев. На всем этом играл классовый враг, развертывая свою агитпропработу. Парторганизации же этих колхозов, засоренные чуждыми и разложившимися элементами, не давали никакого отпора, а опустили совсем руки. Мы имели только по 3-м колхозам этого Совета в момент чистки 70 % коммунистов, исключенных из партии. Вот коротко характеристика того, с чем пришлось встретиться и в какой обстановке начать работу Политотделу»³.

Сходная картина нарисована в политдонесении Политотдела Платнировской МТС за период работы с 21 марта по 15 ноября 1933 г. План хлебозаготовок 1932 г. был выполнен только на 50 %. Станица была занесена на черную доску. «Из станицы Платнировской и хуторов за период пребывания на черной доске выслано из пределов С[еверо-]К[авказского] края свыше 500 человек. Осуждено к высшей мере соц. защиты до 60 человек, отъявленных организаторов контрреволюционного саботажа. За период январь — апрель по станице и хуторам было открыто свыше 1000 ям с хлебом и 48 черных амбаров. Район деятельности Платнировской МТС пережил в период саботажа большую голодовку особенно кулачья, лодырей и симулянтов, которая сопровождалась людоедством (только зарегистрированных имелось 56 случаев)»⁴.

³ Центр документации новейшей истории Ростовской области (ЦДНИ-РО). Ф. Р-166. Оп. 1. Д. 36. Л. 50 об.

⁴ Там же. Д. 30. Л. 119.

Далее в разделе «Партмассовая работа политотдела» отмечалось, что «основными вопросами партмассовой и культурно-политической работы Политотдела за весь этот период были задачи: 1) внедрить в сознание и деятельности колхозов и каждого колхозника в отдельности необходимость к государственным хлебопоставкам относиться как к своей первоочередной обязанности. 2) внести в сознание и деятельность колхозника совершенно иное отношение к общественному труду и социалистической собственности. 3) организация, руководство и воспитание парт. и комсомольской прослойки и выращивание беспартийного актива. 4) воспитание в сознании и деятельности колхозника совершенно иного отношения к качеству своей и в целом колхозной работы»⁵.

Приведем еще один показательный пример. В годовом политдонесении политотдела Белокалитвенской МТС от 3 декабря 1933 г., ссылаясь на доклад И.В. Сталина «О работе в деревне», автор документа пишет о новой тактике кулаков: переходе от открытой агитации и борьбы против колхозов к методам их подрыва изнутри. «Партийная организация района проглядела эту новую тактику кулачества, что привело к печальным последствиям к концу 1932 и началу 1933 года. Пробравшись в колхозы, заняв в ряде их командные посты (председатели колхозов, бригадиры, учетчики, счетоводы и т.д.) кулацкие элементы организовывали вредительский сев, вредительскую уборку, вселили в колхозников неверие в силу трудовня, создали широкое мнение, что государство весь колхозный хлеб заберет и организовали массовое воровство хлеба на корню, во время уборки, обмолота, перевозок, сева, в амбарах и т.д. В результате этой «работы» колхозы Белоглинской МТС, выполнив с величайшим трудом 5 декабря хлебозаготовительный план (вывезено 58040 цент.) остались без семян, фуража и без хлеба для распределения по трудовням. Честно работавшие колхозники уже к концу 1932 года стали терпеть острую нужду в хлебе. Начался падеж скота на почве отсутствия концентрированного фуража и вредительского ухода за лошадьми. Вера в колхозы была подорвана у преобладающей массы колхозников. На этой основе было «создано» кулацкое, антиколхозное, антисоветское единство в колхозах, получившее наибольшую известность на Кубани, но имевшее не меньшее распространение и в колхозах Белоглинской МТС. Такова политическая обстановка, в условиях которой приступил к работе Политотдел»⁶.

Понимая, что перед нами документы эпохи, отметим объективно многоплановый характер деятельности политотделов МТС. Они были

⁵ Центр документации новейшей истории Ростовской области (ЦДНИ-РО). Ф. Р-166. Оп. 1. Д. 30. Л. 130–131.

⁶ Там же. Д. 34. Л. 135.

призваны не допустить окончательного развала колхозного хозяйства; укрепить колхозы кадрами и организационно, обеспечить социально-политическую стабилизацию на селе, т.е. перейти от острой формы социального противостояния (классовой борьбы, раскулачивания) к гражданскому миру, и конечно, выполнить план хлебозаготовок любой ценой. С этой целью им надлежало вести работу по следующим направлениям.

Во-первых, окончательно сломить сопротивление врагов колхозного строя, которые вошли в колхозы и вредили им изнутри. Кулачества в прежнем виде фактически уже не было. Провести раскулачивание власти на местах смогли без создания особых чрезвычайных органов. Раскулачить оказалось в определенной мере проще, чем разоблачить замаскированных врагов и одновременно восстановить доверие крестьян после эксцессов коллективизации, наладить хозяйственную жизнь в новых колхозах и оперативно решить неотложные вопросы продовольственного снабжения, производства и заготовок сельхозпродукции. По мнению политического руководства страны, решение этих взаимоувязанных проблем могли обеспечить чрезвычайные партийные органы, объединяющие в одном лице хозяйственные, политические и репрессивные функции.

Во-вторых, чрезвычайные партийные органы должны были создать новый колхозный актив, прежде всего из молодежи, из числа самих колхозников – грамотных, поверивших новой власти. Именно на этот актив правящая партия планировала опереться в упрочении колхозов, в проведении хлебозаготовок и иных хозяйственных и политических кампаний. Именно широкий слой местных активистов, а не присланные из города одиночки был способен наладить новую колхозную жизнь, в той или иной степени приемлемую для крестьянства. Но при этом наладить ее в намеченном направлении и на принципах, которые бы обеспечивали выполнение задач, поставленных правящей партией. Политотделы создавались и действовали как своего рода кризис-менеджеры, призванные за короткий срок стабилизировать ситуацию, блокировать негативные тенденции и обеспечить решение неотложных хозяйственных задач внутри и вне сельского хозяйства.

Решению поставленных задач соответствовала структура и распределение должностных обязанностей среди работников политотделов. Начальник политотдела МТС одновременно являлся заместителем директора и наряду с ним отвечал за выполнение МТС производственных и заготовительных планов, за организационно-хозяйственное состояние колхозов и т.п. Работники политотделов по факту были не только партийными руководителями, но и администраторами, организаторами хозяйственной жизни.

Впрочем, в реальной жизни многое определялось характером межличностных отношений руководства политотдела и МТС. Приведем

один колоритный документ. В политическом донесении политотдела Персиановской МТС Новочеркасского района от 8 декабря 1933 г. отмечалось: «Политотделам, наряду с развертыванием массовой и политической работы и особенно в момент весеннего сева и уборки, для пользы дела, в подмену дирекции пришлось заниматься вопросами непосредственно хозяйственной жизни, вплоть до мелочей, как, например: ремонт тракторов, подбор кадров, обеспеченность тракторных бригад горючим, изыскивание (так в тексте. — В.Н.) деталей недостающих для ремонта тракторов, улаживание хозяйственных вопросов МТС в колхозах, вплоть до того, кому послать машину, — все это делалось потому, что директор т. Пушкис до этого, да и сейчас, кроме вопросов финансовых и усадебных дел, колхозами не занимался и не занимается. По организации Политотдела мы пытались приобщить его к этому «труду», но попытки остались тщетными. После чего он старался дискредитировать в целом работу Политотдела и его отдельных работников. Как, например, — отмена распоряжений Начальника, данных по хозяйственной части, ущемление бытовых вопросов политотдельцев, зависящих от него (квартиры и оборудование их в течение 6 месяцев не производилось), саботирует выполнение решений Политотдела»⁷.

Следует напомнить, что хлебозаготовки проходили со значительными трудностями и до коллективизации. Уже в 1927–1928 гг. они порождали сопротивление крестьянства, что в свою очередь подталкивало власти к усилению нажима на крестьянство. В начале 1929 г. крестьянство оказывало сопротивление государственной политике хлебозаготовок, выступало против ее насильственного характера. Однако внеэкономические меры принуждения рассматривались партийно-государственным руководством в качестве основного средства регулирования хлебозаготовительного кризиса.

Подчеркнем, что все это было еще за рамками колхозной системы по причине отсутствия таковой, но продолжилось и в начале 1930-х гг. Однако обстановка в стране изменилась. На селе была проведена массовая коллективизация, что не могло не отразиться на политике хлебозаготовок. Репрессивная составляющая хлебозаготовительных кампаний сохранялась, но партийно-политическое руководство ко времени создания политотделов пришло к пониманию того факта, что для изъятия зерна у единоличника можно было ограничиться лишь мерами принуждения. В колхозной же деревне необходимо было создание такой заготовительной системы, которая строилась бы не только на репрессиях, принуждении.

Таким образом, во-первых, принуждение оставалось важным компонентом механизма проведения хлебозаготовок, что по-прежнему по-

⁷ Центр документации новейшей истории Ростовской области (ЦДНИ-РО). Ф. Р-166. Оп. 1. Д. 36. Л. 50.

рождало сопротивление не только кулаков, но и других слоев уже колхозной деревни. В подавлении такого сопротивления политотделы принимали активное участие. Во-вторых, политотделы не только подавляли сопротивление противников колхозного строя из числа крестьян, но и проводили чистки колхозного аппарата. По данным на первый квартал 1933 г., многие партийные организации Кубани и Дона потеряли более половины своего состава. Мотивами исключения были: «проникновение в партию в связи с контрреволюционной целью», «связь с классово чуждым элементом» (22,9 %), «пассивность и примиренчество к кулацкому саботажу, попустительство и содействие воровству и хищению хлеба» (39,1 %), «балласт» (14 %) и др.[1, с. 143].

Были или нет в аппарате замаскировавшиеся кулаки, в данном случае не имеет значения. Чистили аппарат, тем самым, приучая его к безоговорочному выполнению основной заповеди колхозного крестьянства. В результате создавался кадровый потенциал, необходимый и для становления колхозной экономики, и для организации хлебозаготовок.

Анализ отчетов политотделов показывает, что для организации хлебозаготовок политотделы проводили работу по выполнению производственных планов и организации соответствующих сельскохозяйственных компаний, укреплению трудовой дисциплины и преодолению расхлябанности, преодолению сопротивления кулацких элементов и саботажа со стороны части колхозников, формированию партийного, комсомольского и колхозного беспартийного актива, непосредственной организации и обеспечению процесса проведения хлебозаготовок.

В политическом донесении политотдела Персиановской МТС Новочеркасского района Северокавказского края от 8 декабря 1933 г. отмечалось: «Выполнение производственных планов проходило в условиях ожесточенной классовой борьбы, борьбы с саботажническими, кулацкими элементами, воровством, с антигосударственными тенденциями в колхозах, в ряде руководителей колхозов была полнейшая растерянность и оппортунистическое неверие в силы и возможности выполнить план <...>. И только в решительной борьбе со всем перечисленным, очищая колхозы от классово чуждых и кулацких элементов, выбрасывая из рядов ВКП(б) неустойчивые и предательские элементы, Политотдел, сколачивая вокруг себя актив из преданных колхозников, укрепляя партийную ячейку в колхозах, обеспечил в чрезвычайно трудных условиях выполнение планов на всех периодах [сельско]хозяйственных работ»⁸.

В-третьих, необходимо было на основе укрепления колхозной экономики создать систему материального стимулирования колхозников,

⁸ Центр документации новейшей истории Ростовской области (ЦДНИ-РО). Ф. Р-166. Оп. 1. Д. 36. Л. 50.

в том числе и за выполнение планов заготовок. Нерыночная система изъятия ресурсов, создаваемая политотделами, на низовых ступенях не могла работать без материальных стимулов. Вот почему весь период деятельности политотделов ознаменован разнообразными шагами по налаживанию хозяйства в колхозах, организацией социалистического соревнования, укреплением материальных стимулов. Многочисленные архивные документы о деятельности политотделов края отражают это со всей наглядностью.

В-четвертых, чрезвычайно сложной и одновременно исключительно значимой была работа по преодолению антизаготовительных настроений среди рядовых колхозников, вызванных массовым принуждением в ходе предыдущих хлебозаготовительных компаний, значительными продовольственными трудностями и голодом, который сельскими жителями вполне обоснованно связывался с изъятием хлеба и других продовольственных ресурсов в 1931–1932 гг. Не вызывает сомнений и тот факт, что продовольственные трудности, голод, насилие со стороны коллективизаторов представляли собой необычайно благоприятную почву для ведения антиколхозной, антизаготовительной агитации. Сломить эти настроения было возможно лишь проводя воспитательную, агитационную, партийно-политическую работу, с одной стороны, решая по мере возможности вопросы продовольственного обеспечения колхозников, с другой, проводя профилактические и карательные меры в отношении тех элементов, которые вели антиколхозную агитацию, саботировали проведение сельскохозяйственных компаний, прибегая к актам вредительства и разложения трудовой дисциплины, с третьей. В архивных документах сохранились многочисленные факты, подтверждающие широкое распространение антихлебозаготовительных настроений, расхлябанность и упадок трудовой дисциплины, вредительства и т.п.⁹

Разумеется, решение названных выше задач проходило одновременно и во взаимосвязи. В отчетном политическом донесении о работе политотдела Платнировской МТС с 21 марта по 15 ноября 1933 г. в разделе «Партмассовая работа политотдела» отмечалось, что «основными вопросами партмассовой и культурно-политической работы Политотдела за весь этот период были задачи: 1) внедрить в сознании и деятельности колхозов и каждого колхозника в отдельности необходимость к государственным хлебопоставкам относиться как к своей первоочередной обязанности. 2) внести в сознание и деятельность колхозника совершенно иное отношение к общественному труду и социалистической собственности. 3) организация, руководство и воспи-

⁹ Центр документации новейшей истории Ростовской области (ЦДНИ-РО). Ф. Р-166. Оп. 1. Д. 22. Л. 171–172, 182–183; Д. 30. Л. 119–134; Д. 36. Л. 50–53.

тание парт. и комсомольской прослойки и выращивание беспартийного актива. 4) воспитание в сознании и деятельности колхозника совершенно иного отношения к качеству своей и в целом колхозной работы»¹⁰.

Далее в отчете политотдела говорится, что «в области реализации первой задачи нужно сказать, что мы добились очень больших положительных успехов. Сейчас можно найти десятки колхозников, которые повседневно и настойчиво дерутся за скорейшее выполнение планов хлебосдачи и натуроплаты и не на словах, а на деле перевыполняя нормы выработки, убеждая других в необходимости усвоить и практически проводить в жизнь эту первую заповедь колхозного строя, повседневно помогая Политотделу выполнять эту задачу. В нынешнем году со стороны руководства мы не имеем попыток скрыть от государства хлеб, т.к. всякая попытка в этом направлении встречает решительный отпор со стороны лучшей части колхозников. Попытка руководства колхоза Червоное Поле скрыть хлеб в амбаре до выполнения плана поставок, была разоблачена рядовыми колхозниками»¹¹.

Очевидно, что материал в отчете анализируется в духе установок тех лет. Но с другой стороны, т.н. перегибы в колхозной практике, насилие в ходе хлебозаготовок действительно создавали неблагоприятную общественную атмосферу среди крестьян и казаков. Было бы антиисторичным и ненаучным утверждать, что враги колхозного строя, которые, несомненно, имелись в большом количестве, не воспользовались бы таким благоприятным для антиколхозной агитации моментом. Критически тяжелое положение в колхозах создавало неблагоприятные для власти настроения, без преодоления которых невозможно было укрепить колхозы и, в частности, успешно проводить хлебозаготовки.

Другое дело, что сама по себе эта двуединая задача содержала внутреннее противоречие: преодолеть до конца антиколхозные настроения можно было лишь на основе отказа от принуждения при хлебозаготовках и обеспечивая реальное повышение оплаты по трудодням. Однако, провести в голодный год хлебозаготовки без принуждения было невозможно, выполнить планы хлебозаготовок и повысить выплаты по трудодням при тогдашнем состоянии сельскохозяйственного производства было также невозможно. Нужен был некий компромисс, который можно было обеспечить на основе нормализации обстановки в колхозах, но этого нельзя было сделать без изъятия противников колхозного строя и существенного обновления наличной партийной и хозяйственной элиты в колхозах. Ситуация почти неразрешимая, во всяком случае не разрешимая оптимальным образом.

¹⁰ Центр документации новейшей истории Ростовской области (ЦДНИ-РО). Ф. Р-166. Оп. 1. Д. 30. Л. 130–131.

¹¹ Там же. Л. 131.

В итоге компромисс все-таки был достигнут, но фундаментальные основы для противоречий в отношениях партийно-государственной власти и крестьянства сохранялись. Отмеченное противоречие таило в себе и еще одну потенциальную опасность: часть населения смирилась с властью, но не навсегда, затаила злобу и обиду на власть, партию, колхозы. Проводя хлебозаготовки с применением большого или меньшего насилия и ограничивая потребление в колхозной деревне, власть ускоряла процессы индустриализации, но одновременно расширяла круг потенциально антисоветски настроенных людей. В общем, нужно было пройти между Сциллой и Харибдой. Получилось ли? С точки зрения модернизации, обороны — да. Заготовки и закупки зерна непрерывно возрастали. Так, в среднем за год они составляли: в 1928–1932 гг. 18,2 млн т, в 1933–1937 гг. — 27,5 млн т, в 1938–1940 гг. — 32,1 млн т, в 1940 г. — 36,4 млн т¹². А с точки зрения надежного закрепления институционального выбора, с точки зрения миллионов крестьян с исковерканными судьбами — нет.

Опробованные методы проведения хлебозаготовок сохранились и после упразднения политотделов. Механизм обучения колхозной элиты для применения внеэкономических методов в хозяйственной практике для выполнения спущенных сверху заданий и планов был апробирован политотделами МТС, но не умер вместе с ними. Он продолжил существовать, следовательно, усилия политотделов не пропали даром.

Вместе с ликвидацией политотделов не исчез механизм проведения в жизнь обязательных поставок государству сельхозпродукции. Госпоставки обеспечивали другие органы, под руководством районных комитетов партии, куда и перешла часть политотдельцев. Носители опыта чрезвычайных хлебозаготовок продолжали руководить сельским хозяйством, колхозами. Что касается деятельности ОГПУ в лице заместителей начальников политотделов, то активно поработав на ниве репрессивной пахоты и обмолота, они могли уйти в тень, т.е. непосредственно в органы ОГПУ. В организации репрессий в колхозной и околоколхозной среде в прежних масштабах уже не было необходимости. Впрочем, и тут не все исчезло с ликвидацией политотделов. Риску предположить, что сеть внештатных сотрудников ОГПУ в той или иной степени сохранилась, что было не лишним в ходе последующих заготовительных кампаний.

Преодолев кризис хлебозаготовок, сняв остроту продовольственного кризиса и голода, начав освоение элементов материального стимулирования, политотделы МТС не только предотвратили нарастание кризиса и развал сельского хозяйства и колхозов, но и заложили краеугольные камни в фундамент колхозной системы, которая стала базироваться на отношениях неэквивалентного обмена, дискриминационной заготовительной и налоговой политики, ущемлении прав колхозников.

¹² Сельское хозяйство СССР: стат. сборник. М., 1960. С. 90, 196.

Литература

1. *Зеленин И.Е.* Сталинская «революция сверху» после «великого перелома», 1930–1939: Политика, осуществление, результаты. М., 2006.
2. *Ильиных В.А.* Налогово-податное обложение сибирской деревни. Конец 1920-х – начало 1950-х гг. Новосибирск, 2003.
3. Коллективизация сельского хозяйства на Северном Кавказе (1927–1937 гг.). Краснодар, 1972.